Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-173-180
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.

КИРИЛЛОВА Татьяна Константиновна,
доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения,
e-mail: tania.kirillova.gmail.com@yandex.ru

СОСНОВСКИЙ Евгений Сергеевич,
преподаватель кафедры публичного права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения,
e-mail: jacksos730@gmail.com

МОШЕННИЧЕСТВО И КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ СОПОСТАВЛЕНИЯ СОСТАВОВ

Аннотация. *В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты соотношения составов мошенничества (статья 159 УК РФ) и преступлений коррупционной направленности, прежде всего взяточничества (статьи 290, 291, 291.1 УК РФ). Проводится сравнительный анализ объективных и субъективных признаков указанных деяний, выявляются критерии их разграничения, выработанные доктриной российского уголовного права и судебной практикой Верховного Суда Российской Федерации. Особое внимание уделяется типичным ошибкам квалификации, при которых хищение чужого имущества путем обмана ошибочно расценивается как взяточничество либо иное должностное преступление. По результатам исследования формулируются предложения, направленные на повышение единообразия правоприменительной практики.*

Ключевые слова: *мошенничество, коррупционные преступления, взяточничество, разграничение составов, должностное лицо, квалификация преступлений, судебная практика, Уголовный кодекс Российской Федерации.*

KIRILLOVA Tatiana Konstantinovna,
Doctor of Law, Professor of the Department of Public Law, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

SOSNOVSKY Evgeny Sergeevich,
Lecturer at the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

FRAUD AND CORRUPTION CRIMES: MAIN ASPECTS OF COMPARISON OF THE ELEMENTS

Annotation. *The article discusses the theoretical and practical aspects of the relationship between fraud (Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation) and corruption-related crimes, primarily bribery (Articles 290, 291, and 291.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). The article provides a comparative analysis of the objective and subjective elements of these crimes and identifies the criteria for distinguishing between them based on the doctrine of Russian criminal law and the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation. Special attention is paid to typical errors in qualification, in which the theft of someone else's property by deception is mistakenly regarded as bribery or another official crime. Based on the results of the study, proposals are formulated to improve the uniformity of law enforcement practice.*

Key words: *fraud, corruption crimes, bribery, delineation of crimes, official, qualification of crimes.*

Противодействие коррупции на современном этапе развития России относится к числу стратегических задач уголовно-правовой политики. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2024 году в стране зарегистрировано 38 500 преступлений коррупционной направленности, что на 5,7 % превышает показатели предшествующего года; при этом доля собственно взяточничества в общей структуре коррупционной преступности достигла 60,3 % [9]. Параллельно с этим Министерство внутренних дел Российской Федерации фиксирует устойчивый рост регистрируемых мошенничеств: по итогам 2024 года их количество составило 445 690 (статьи 159–159.6 УК РФ), что на 2,8 % превышает показатель 2023 года [11].

Приведенные статистические сведения свидетельствуют не только о росте абсолютных показателей выявляемости рассматриваемых деяний, но и о существенном усложнении их структуры, что в свою очередь обостряет проблему правильной уголовно-правовой квалификации содеянного. Резкий скачок числа мошенничеств в 2023 году, обусловленный в значительной мере распространением хищений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, подчеркивает необходимость доктринального осмысления соотношения мошенничества с иными смежными составами, в первую очередь – с коррупционными преступлениями. Сравнительная динамика обоих показателей за последние пять лет наглядно отражена на рисунке 1.

Рисунок 1 – Динамика регистрируемых мошенничеств и коррупционных преступлений в Российской Федерации в 2020–2024 гг. (составлено авторами по статистическим данным о мошенничестве [11] и коррупционной преступности [9]).

Особую теоретическую и прикладную сложность представляет разграничение коррупционных преступлений и мошенничества, ответственность за которое предусмотрена статьей 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Внешнее сходство объективной стороны указанных деяний – в обоих случаях речь идет о незаконном получении имущественной выгоды, нередко сопряженном с использованием должностного положения, – порождает устойчивые ошибки при их квалификации органами предварительного расследования и судами. На необходимость единообразного применения уголовного закона при отграничении взяточничества от мошенничества неоднократно обращал внимание Пленум Верховного Суда Российской Федерации, в том числе в постановлении от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [4].

Целью настоящего исследования является сравнительно-правовой анализ составов мошенничества и преступлений коррупционной направленности с выявлением их ключевых юридических признаков, общих черт и принципиальных различий. Достижение поставленной цели предполагает решение ряда взаимосвязанных задач: уточнение понятия коррупционного преступления в российской уголовно-правовой доктрине; характеристику элементов состава мошенничества применительно к коррупционному контексту; систематизацию критериев разграничения исследуемых составов, апробированных в правоприменительной практике.

Прежде чем перейти к сравнительному анализу, представляется необходимым определиться с содержанием категории «коррупционное преступление», поскольку именно она задает круг деяний, подлежащих сопоставлению с мошенничеством. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что действующий Уголовный кодекс Российской Федерации не содержит легального определения коррупционного преступления и не выделяет его в качестве самостоятельной главы Особенной части. Соответствующее понятие формируется на стыке норм Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [2] и совместного указания Генеральной прокуратуры России и Министерства внутренних дел России, утверждающего Перечень № 23 преступлений коррупционной направленности [3].

Согласно положениям названного Перечня, к преступлениям коррупционной направленности безусловно относятся деяния, предусмотренные статьями 141.1, 184, 200.5, 201.1, 204, 204.1, 204.2, 289, 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ, а также пунктом «а» части 2 статьи 226.1 и пунктом «б» части 2 статьи 229.1 УК РФ. Анализ нормативных предписаний и доктринальных позиций позволяет выделить следующую совокупность признаков, при наличии которых деяние может быть отнесено к категории коррупционного: во-первых, наличие надлежащего специального субъекта – должностного лица в значении примечаний к статьям 285 и 201 УК РФ; во-вторых, неразрывная связь деяния со служебным положением субъекта; в-третьих, корыстный мотив, выражающийся в стремлении получить имущественную выгоду для себя или третьих лиц; в-четвертых, умышленная форма вины, причем, как правило, в виде прямого умысла [3].

Помимо «безусловно коррупционных» составов, в Перечне выделяются деяния, относящиеся к коррупционным условно – при наличии в материалах уголовного дела сведений о совершении преступления должностным лицом с использованием служебного положения. Именно в эту группу

включены части 3 и 4 статьи 159 УК РФ, что и обусловливает первичный пункт пересечения мошенничества с коррупционной преступностью. Б. В. Волженкин, чьи работы по вопросам ответственности за должностные преступления приобрели характер классических, обоснованно указывал, что коррупционные посягательства имеют общий родовой объект – нормальную деятельность публичного аппарата управления, что отличает их от собственно имущественных преступлений [13].

Таким образом, категория «коррупционное преступление» носит в современном российском уголовном праве отчасти доктринально-нормативный характер. Ее содержание определяется через совокупность общих признаков, а конкретный перечень соответствующих деяний устанавливается ведомственным актом, имеющим прежде всего статистическое значение. Подобная конструкция не лишена методологических неудобств, поскольку допускает включение в число коррупционных преступлений деяний, существенно различающихся по непосредственному объекту посягательства, что и предопределяет потребность в их тщательном теоретическом сопоставлении с иными смежными составами, прежде всего – с мошенничеством.

Согласно части 1 статьи 159 УК РФ, мошенничеством признается хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием [1]. Принципиальное значение для целей настоящего исследования имеет то обстоятельство, что мошенничество представляет собой одну из форм хищения, что предопределяет его принадлежность к группе преступлений против собственности (глава 21 УК РФ). Непосредственным объектом мошенничества выступают общественные отношения собственности, а в качестве факультативного объекта при квалифицированных видах – личность потерпевшего и установленный порядок осуществления экономической деятельности.

Объективная сторона мошенничества характеризуется специфическим способом завладения чужим имуществом – обманом либо злоупотреблением доверием. Под обманом в науке уголовного права традиционно понимается сознательное искажение истины (активный обман) либо умолчание об обстоятельствах, сообщение о которых являлось для виновного обязательным (пассивный обман). Злоупотребление же доверием предполагает использование сложившихся между виновным и потерпевшим доверительных отношений для незаконного завладения имуществом. При этом для целей правильной квалификации существенно, что воля потерпевшего при мошенничестве формально остается «свободной»: он сам передает имущество виновному, будучи введенным в заблуждение.

Особый интерес для настоящего исследования представляют квалифицированные виды мошенничества, предусмотренные частями 3 и 4 статьи 159 УК РФ. В частности, в части 3 указанной статьи особо выделяется мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, а равно в крупном размере. Именно эта разновидность мошенничества ближе всего соприкасается с коррупционной преступностью, поскольку предполагает реализацию виновным своих служебных полномочий или возможностей, обусловленных должностным положением, в целях хищения чужого имущества. Согласно Перечню № 23, такие деяния относятся к числу преступлений коррупционной направленности при наличии в статистической карточке соответствующей отметки о специальном субъекте [3].

Субъектом мошенничества по общему правилу является вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. В случае мошенничества с использованием служебного положения речь идет о специальном субъекте – должностном лице, государственном или муниципальном служащем, лице, выполняющем управленческие функции в коммерческой или иной организации. Субъективная сторона характеризуется исключительно прямым умыслом и корыстной целью; именно содержание умысла, как будет показано ниже, играет решающую роль при отграничении мошенничества от коррупционных преступлений.

Сравнительный анализ исследуемых составов целесообразно начать с выявления сходных признаков, которые и порождают на практике сложности при квалификации. Прежде всего необходимо отметить, что и мошенничество в его квалифицированных формах, и коррупционные преступления имеют ряд общих юридических характеристик, образующих своего рода «зону пересечения» названных составов.

Во-первых, оба типа деяний характеризуются корыстной направленностью. В случае мошенничества корыстный мотив образует обязательный признак субъективной стороны и вытекает из самого понятия хищения; применительно к коррупционным преступлениям корыстная заинтересованность также является ключевым признаком, прямо закрепленным в Перечне № 23 и неоднократно подтвержденным позицией Верховного Суда Российской Федерации. Стремление виновного получить имущественную выгоду для себя или для третьих лиц составляет общий мотивационный фон обоих видов посягательств.

Во-вторых, как мошенничество с использованием служебного положения, так и подавляющее большинство коррупционных преступлений

предполагают наличие специального субъекта – должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации. Согласно примечанию 1 к статье 285 УК РФ, должностными лицами признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации [1]. Указанное обстоятельство нередко создает у правоприменителя иллюзию тождественности составов.

В-третьих, объективная сторона обоих типов деяний может включать в себя элементы введения потерпевшего в заблуждение либо использования служебных полномочий. Особенно ярко эта общность проявляется в случаях так называемого мнимого посредничества во взяточничестве, когда лицо, обещавшее способствовать передаче взятки должностному лицу, заведомо не намеревалось этого делать, а полученные ценности обращало в свою пользу. Внешне такое поведение тяготеет к взяточничеству, однако, по существу, представляет собой именно мошенничество, что и было подтверждено Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в пункте 24 постановления № 24 от 9 июля 2013 года [4].

В-четвертых, в ряде случаев совпадает форма вины – прямой умысел. Как мошенничество, так и большинство коррупционных преступлений могут быть совершены исключительно с прямым умыслом, причем виновный осознает общественно опасный характер своих действий, предвидит наступление общественно опасных последствий (применительно к материальным составам) и желает их наступления. Однако, как будет показано далее, содержание умысла в исследуемых составах принципиально различается, что и образует один из основных критериев их разграничения.

Несмотря на отмеченные сходства, мошенничество и коррупционные преступления представляют собой принципиально различные по своей юридической природе деяния, что предопределяется их объектом, содержанием объективной стороны и направленностью умысла виновного.

Наиболее фундаментальным критерием разграничения исследуемых составов выступает непосредственный объект посягательства. Мошенничество, будучи разновидностью хищения, посягает на отношения собственности, тогда как взяточничество и иные коррупционные преступления непосредственно посягают на нормальную деятельность публичного аппарата управления – государственной службы, службы в органах местного самоуправления либо в коммерческих и иных организациях. Как справедливо отмечается в литературе, объектом преступлений, предусмотренных статьями 290 и 291 УК РФ, являются общественные отношения, обеспечивающие работу государственного аппарата, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, тогда как объектом мошенничества – отношения собственности конкретного потерпевшего [14]. Различие объектов сохраняется даже в тех случаях, когда виновный использует свое служебное положение: при мошенничестве оно выступает лишь способом совершения хищения, в то время как при коррупционных преступлениях именно посягательство на нормальное функционирование публичной службы образует существо деяния.

При взяточничестве (статья 290 УК РФ) должностное лицо получает имущественную выгоду за совершение действий (бездействия) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, которые входят в его служебные полномочия либо которым оно в силу должностного положения может способствовать. Иными словами, ключевым моментом является реальная возможность должностного лица повлиять на разрешение интересующего взяткодателя вопроса. Напротив, при мошенничестве виновный завладевает чужим имуществом путем обмана, создавая у потерпевшего иллюзию правомерности своих действий или ложное представление о собственных возможностях.

Особое значение в этой связи приобрело разъяснение, содержащееся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2019 года № 59, согласно которому, если должностное лицо получает деньги за решение вопроса, который оно объективно не может разрешить в силу отсутствия соответствующих полномочий, такое деяние квалифицируется не как взяточничество, а как мошенничество [5].

Указанная правовая позиция формирует устойчивый ориентир для правоприменителя: при оценке деяния необходимо устанавливать наличие или отсутствие у должностного лица реальной возможности совершить действия (бездействие), за которые передается вознаграждение.

Решающим обстоятельством, позволяющим отграничить мошенничество от взяточничества, является направленность умысла виновного. При получении взятки умысел лица направлен на получение незаконного вознаграждения за совершение конкретных действий (бездействия) по службе либо за общее покровительство или попустительство; виновный осознает, что действует именно как должностное лицо, и понимает обусловленность вознаграждения его служебным

положением. При мошенничестве же умысел изначально направлен на безвозмездное обращение чужого имущества в свою пользу путем обмана или злоупотребления доверием, без какого-либо намерения совершить либо обеспечить совершение действий в интересах потерпевшего. Таким образом, в случае мошенничества обещание совершить действия по службе представляет собой лишь элемент обмана, а не реальное намерение виновного.

Мошенничество, будучи разновидностью хищения, конструируется в УК РФ как материальный состав: преступление считается оконченным с момента, когда виновный получил реальную возможность распорядиться похищенным имуществом по своему усмотрению. Взяточничество же сконструировано как формальный состав: получение взятки (статья 290 УК РФ) и дача взятки (статья 291 УК РФ) считаются оконченными с момента принятия должностным лицом хотя бы части предмета взятки. Различие в конструкции составов имеет существенное значение для квалификации неоконченной преступной деятельности и определения момента ее юридической завершенности.

Хотя оба исследуемых состава могут предполагать наличие специального субъекта, его статус и роль в составе преступления различаются. При получении взятки субъект является должностным лицом, причем отсутствие такого статуса исключает квалификацию по статье 290 УК РФ. При мошенничестве же служебное положение виновного является лишь квалифицирующим признаком (часть 3 статьи 159 УК РФ); основной состав мошенничества (часть 1 статьи 159 УК РФ) предполагает общий субъект. Указанное различие подчеркивает, что мошенничество в принципе не привязано к должностному статусу виновного, тогда как для взяточничества такая привязка является конститутивной.

Изучение опубликованной судебной практики позволяет выделить ряд типичных ситуаций, в которых наиболее остро встает вопрос о разграничении мошенничества и коррупционных преступлений. Подробный анализ этих ситуаций имеет существенное прикладное значение, поскольку обнажает реальные сложности правоприменения и демонстрирует выработанные судебной практикой алгоритмы их разрешения.

Первая типичная ситуация связана с так называемым мнимым посредничеством во взяточничестве. Согласно пункту 26 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 24, в случае, когда лицо, обещавшее либо предложившее посредничество во взяточничестве, заведомо не намеревалось передавать ценности должностному лицу либо посреднику и, получив указанные ценности, обратило их в свою пользу, содеянное следует квалифицировать как мошенничество без совокупности с преступлением, предусмотренным частью 5 статьи 291.1 УК РФ [4]. Таким образом, фактическое отсутствие у виновного намерения исполнить обязательства посредника превращает внешне коррупционное деяние в обычное хищение путем обмана.

Вторая ситуация имеет место, когда должностное лицо получает имущественную выгоду за действия (бездействие), которые оно объективно не в состоянии совершить. Если, например, сотрудник органа внутренних дел принимает деньги якобы за прекращение уголовного дела, находящегося в производстве другого следственного органа, к компетенции которого он не относится, содеянное должно квалифицироваться по статье 159 УК РФ, поскольку реальная возможность повлиять на разрешение вопроса у виновного отсутствует, а получение денег было сопряжено с введением передающего их лица в заблуждение относительно своих служебных возможностей.

Третья ситуация связана с разграничением мошенничества и злоупотребления должностными полномочиями (статья 285 УК РФ). Если должностное лицо, действуя в пределах своих полномочий, использует их вопреки интересам службы исключительно с целью завладения чужим имуществом, имеет место конкуренция норм, разрешаемая в пользу специальной – то есть мошенничества с использованием служебного положения (часть 3 статьи 159 УК РФ). Однако если завладение имуществом является лишь одним из последствий злоупотребления, наряду с иным существенным нарушением охраняемых законом интересов, может быть применена совокупность преступлений.

Четвертая ситуация возникает в сфере государственных и муниципальных закупок. Как отмечают надзорные органы, при наличии корыстной заинтересованности и связи деяния со служебным положением субъекта виновное лицо может быть привлечено к уголовной ответственности по статьям 159 (мошенничество), 160 (присвоение или растрата), 178 (ограничение конкуренции), 285 (злоупотребление должностными полномочиями), 290 (получение взятки), 291 (дача взятки) и 292 (служебный подлог) УК РФ [10]. Выбор конкретной квалификации зависит от характера действий виновного, способа совершения преступления и направленности его умысла. Так, согласно судебной практике, в ряде случаев допустима квалификация по совокупности статей 178 и 159 УК РФ – когда действия участников торгов направлены не только на ограничение конкуренции, но и на хищение чужого имущества путем представления фиктивных документов [8].

Пятая ситуация – это разграничение мошенничества и провокации взятки либо коммерче-

ского подкупа (статья 304 УК РФ). Здесь существенное значение имеет содержание умысла лица, передающего предмет взятки: если оно действовало с целью искусственного создания доказательств совершения преступления в отношении должностного лица, не имевшего намерения принять взятку, содеянное квалифицируется по статье 304 УК РФ; если же передача ценностей являлась элементом обмана, направленного на завладение чужим имуществом, – по соответствующей части статьи 159 УК РФ.

Изложенные выше критерии разграничения, несмотря на их доктринальную обоснованность и судебную апробацию, не снимают всех проблем, возникающих в правоприменительной практике. Анализ соответствующих ситуаций позволяет констатировать наличие ряда «узких мест», требующих дополнительного внимания законодателя и высшей судебной инстанции.

Первая проблема связана с правовой оценкой случаев, когда должностное лицо обладает лишь частичными полномочиями для решения вопроса, за который оно принимает имущественное вознаграждение. На практике нередко возникают ситуации, при которых разрешение интересующего взяткодателя вопроса входит в сферу совместного ведения нескольких должностных лиц, а виновное лицо обладает лишь возможностью способствовать его положительному разрешению. В подобных случаях квалификация по статье 290 УК РФ возможна, однако ее точные границы остаются предметом дискуссии в литературе.

Вторая проблема состоит в правовой оценке деяний, при которых имеет место комбинирование признаков мошенничества и взяточничества в рамках единого преступного эпизода. Так, по справедливому замечанию П. С. Яни, разграничение взяточничества и мошенничества в современной российской правоприменительной практике решается путем установления того, обладало ли должностное лицо реальной возможностью совершить за вознаграждение те или иные действия в пользу лица, передавшего ценности [12]. При этом установление такой возможности требует тщательного исследования служебных полномочий виновного, его реальных связей и возможностей по службе, что в условиях скоротечности предварительного расследования не всегда осуществляется надлежащим образом.

Третья проблема имеет статистический характер: квалификация деяния как мошенничества вместо взяточничества искажает реальную картину коррупционной преступности, поскольку статья 159 УК РФ относится к преступлениям коррупционной направленности лишь условно – при наличии в статистической карточке специальной отметки. Соответственно, недостаточное внимание к корректному отражению признаков коррупционности в материалах дела ведет к искусственному занижению статистических показателей коррупции. Указанная проблема приобретает особую остроту с учетом того, что общее число регистрируемых мошенничеств в России кратно превышает число коррупционных преступлений (см. рисунок 1).

В качестве направлений совершенствования правоприменительной практики представляется обоснованным, во-первых, продолжить работу по разъяснению Верховным Судом Российской Федерации спорных вопросов квалификации мошенничества с использованием служебного положения и его соотношения со взяточничеством, в том числе путем подготовки специального обзора судебной практики. Во-вторых, целесообразным видится повышение качества предварительного расследования за счет более тщательного исследования объема и содержания служебных полномочий виновного лица, что позволит обеспечить корректную квалификацию исходя из реальной, а не мнимой возможности влияния на разрешение интересующего потерпевшего вопроса. В-третьих, заслуживает внимания и предложение о законодательном закреплении легального определения коррупционного преступления, что снимет ряд методологических затруднений, связанных с применением соответствующего понятия [14].

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд итоговых выводов, имеющих как теоретическое, так и прикладное значение.

Во-первых, мошенничество и преступления коррупционной направленности, несмотря на внешнее сходство ряда юридических признаков, представляют собой принципиально различные по своей правовой природе деяния, что обусловлено прежде всего различием их непосредственного объекта: мошенничество посягает на отношения собственности, тогда как коррупционные преступления – на нормальную деятельность публичного аппарата управления.

Во-вторых, ключевыми критериями разграничения исследуемых составов выступают: объект посягательства; характер действий виновного и наличие у него реальной возможности совершить действия по службе; содержание и направленность умысла; конструкция состава и момент его юридического окончания; статус специального субъекта. Названные критерии не действуют изолированно, а должны оцениваться в совокупности с учетом конкретных обстоятельств дела.

В-третьих, фундаментальное значение для квалификации имеет позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации, неоднократно подчеркивавшего, что отсутствие у должностного лица реальной возможности разрешить вопрос,

за который оно получает вознаграждение, исключает квалификацию деяния как взяточничества и влечет его оценку как мошенничества. Указанная правовая позиция обеспечивает единство судебной практики и служит надежным ориентиром для правоприменителя.

В-четвертых, дальнейшее совершенствование правоприменительной практики в исследуемой сфере требует комплексного подхода, включающего как разъяснительную деятельность высшей судебной инстанции, так и повышение качества предварительного расследования путем углубленного исследования служебных полномочий виновных лиц. Одновременно представляется перспективным научное обсуждение вопроса о возможном законодательном закреплении понятия коррупционного преступления, что позволило бы устранить методологические затруднения, связанные с разграничением соответствующих деяний и иных смежных составов, в первую очередь – мошенничества.

Таким образом, мошенничество и коррупционные преступления образуют две самостоятельные группы уголовно наказуемых деяний, разграничение которых требует от правоприменителя точного знания юридической природы соответствующих составов, внимательного отношения к содержанию умысла виновного и тщательного исследования его реальных служебных возможностей. Корректное разрешение указанных вопросов выступает необходимым условием обеспечения принципов законности, справедливости и неотвратимости уголовной ответственности в сфере противодействия коррупции.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.11.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

[2] О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6228.

[3] О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности : Указание Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24.01.2020 (ред. от 13.07.2020) : Перечень № 23 преступлений коррупционной направленности // Законность. – 2020. – № 4. – С. 64–72.

[4] О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 9. – С. 2–9.

[5] О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» и от 16 октября 2009 года № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2019 № 59 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2020. – № 2. – С. 2–4.

[6] О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 № 19 (ред. от 11.06.2020) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2009. – № 12. – С. 2–6.

[7] О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2018. – № 2. – С. 2–9.

[8] Бимбинов А. А. Ограничение конкуренции (ст. 178 УК РФ): теоретические и правоприменительные аспекты / А. А. Бимбинов // Lex russica (Русский закон). – 2024. – Т. 77. – № 2. – С. 81–94.

[9] Попова А. В. Оценка экономической преступности в России в 2022–2024 годах / А. В. Попова // Молодой ученый. – 2025. – № 39 (590). – С. 217–219.

[10] Никитин Е. В. Проблемы правового регулирования уголовной ответственности за коррупционные преступления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд (ст. 200.4–200.6 УК РФ) / Е. В. Никитин // Вестник Омской юридической академии. – 2019. – Т. 16. – № 2. – С. 169–175.

[11] Таблер В. А. Криминологическая характеристика мошенничества / В. А. Таблер // Молодой ученый. – 2025. – № 23 (574). – С. 392–394.

[12] Яни П. С. Новое постановление Пленума Верховного Суда о взяточничестве. Статья четвертая / П. С. Яни // Законность. – 2013. – № 12. – С. 22–27.

[13] Волженкин Б. В. Служебные преступления : комментарий законодательства и судебной практики / Б. В. Волженкин. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2005. – 560 с.

[14] Волженкин Б. В. Коррупция / Б. В. Волженкин. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 1998. – 44 с.

[15] Кузнецов А. А. Разграничение взяточни-

чества и смежных составов / А. А. Кузнецов // Молодой ученый. – 2019. – № 22 (260). – С. 233–235.

[16] Яни П. С. Разграничение получения взятки и мошенничества: изменение позиции Пленума не повлекло изменений в судебной практике / П. С. Яни // Законность. – 2025. – № 8. – С. 28–32 ; № 9. – С. 35–39.

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 13.06.1996 dated 63-FZ (as amended on 09.11.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – № 25. - Art. 2954.

[2] On combating corruption: Federal Law No. 25.12.2008 of 273-FZ (as amended on 08.08.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2008. - No. 52 (part 1). - Art. 6228.

[3] On the enactment of the lists of articles of the Criminal Code of the Russian Federation used in the formation of statistical reporting: Directive of the Prosecutor General's Office of Russia No. 35/11, Ministry of Internal Affairs of Russia No. 1 dated 24.01.2020 (as amended on 13.07.2020): List No. 23 of corruption-related crimes // Legality. – 2020. – № 4. - S. 64-72.

[4] On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 09.07.2013 No. 24 (ed. 24.12.2019) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2013. – № 9. - S. 2-9.

[5] On amendments to the decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of July 9, 2013 No. 24 "On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes" and of October 16, 2009 No. 19 "On judicial practice in cases of abuse of office and abuse of office": Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 24.12.2019 No. 59 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2020. – № 2. - S. 2-4.

[6] On judicial practice in cases of abuse of office and abuse of office: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 16.10.2009 No. 19 (ed. 11.06.2020) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2009. – № 12. - S. 2-6.

[7] On judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement: decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.11.2017 No. 48 (ed. 15.12.2022) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2018. – № 2. - S. 2-9.

[8] Bimbinov A. A. Restriction of competition (Article 178 of the Criminal Code of the Russian Federation): theoretical and law enforcement aspects/A. A. Bimbinov // Lex russica (Russian law). – 2024. - T. 77. – № 2. - S. 81-94.

[9] Popova A.V. Assessment of economic crime in Russia in 2022-2024/A.V. Popova // Young scientist. – 2025. – № 39 (590). - S. 217-219.

[10] Nikitin E.V. Problems of legal regulation of criminal liability for corruption crimes in the field of procurement of goods, works, services to meet state or municipal needs (Articles 200.4-200.6 of the Criminal Code of the Russian Federation)/ E.V. Nikitin // Bulletin of the Omsk Law Academy. – 2019. - T. 16. – № 2. - S. 169-175.

[11] Tabler V. A. Criminological characterization of fraud/V. A. Tabler // Young scientist. – 2025. – № 23 (574). - S. 392-394.

[12] Jani P. S. New ruling of the Plenum of the Supreme Court on bribery. Article Four/P. S. Yani // Legality. – 2013. – № 12. - S. 22-27.

[13] Volzhenkin B.V. Official crimes: commentary on legislation and judicial practice/ B.V. Volzhenkin. - St. Petersburg: Legal Center Press, 2005. - 560 s.

[14] Volzhenkin B.V. Corruption/B.V. Volzhenkin. - St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 1998. - 44 s.

[15] Kuznetsov A. A. Delimitation of bribery and related compositions/A. A. Kuznetsov // Young scientist. – 2019. – № 22 (260). - S. 233-235.

[16] Jani P. S. Delimitation of bribery and fraud: a change in the position of the Plenum did not entail changes in judicial practice/P. S. Jani // Legality. – 2025. – № 8. - S. 28-32; NO. 9. - S. 35-39.